

Атомное сдерживание и отношения между державами

Из предисловия готовящейся к изданию на итальянском языке книги Франко Палумберо "La Bomba".

Август 1945 года: две атомные бомбы – урановая и плутониевая – были сброшены на Хиросиму и Нагасаки, унеся более 150 тысяч жизней. Ещё 200 тысяч умерли в течение следующих пяти лет от ожогов и радиации. Это массовое убийство имело и сознательный классовый характер, поскольку американские политики решили сжечь два японских города из-за их заводов, чтобы сломить моральный дух японского рабочего класса. Среди погибших было также от 20 до 50 тысяч корейцев, принудительно согнанных на работы – они стали двойными жертвами японского и американского империализма.

В общем счёте войн XX века ядерный холокост Хиросимы и Нагасаки – если рассматривать лишь масштаб бойни – не был исключением: достаточно вспомнить бомбардировку Токио зажигательными бомбами, унёсшую 100 тысяч жизней, или разрушение Дрездена. За «*век мегасмерти*», как его назвал Збигнев Бжезинский, в результате конфликтов погибло не менее 90 миллионов гражданских лиц и военнослужащих, среди них 30 миллионов молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет. Через несколько лет после августа 1945 года, во время войны в Корее, Вашингтон подумывал об использовании *бомбы*, но в конечном итоге воздержался; тем не менее, по оценкам американского военного командования, в результате боёв, сожжения городов *напалмом* и голода, вызванного искусственной нехваткой продовольствия на Севере, погибло до одной пятой населения Северной Кореи.

Тем не менее, сам факт того, что одна бомба могла уничтожить целый город или вражескую дивизию, оказал потрясающее воздействие, которое вскоре лишь усилилось с появлением *водородной бомбы* – термоядерных боеголовок, в сотни раз более разрушительных, чем *атомная бомба*, сброшенная на Хиросиму.

Одним из последствий стало ужесточение военной стратегии в связи с появлением оружия, которое могло нанести сокрушительный удар по противнику, но также могло вызвать ответный *второй удар*, запустив саморазрушительную, даже апокалиптическую спираль. Генри Киссинджер был одним из главных участников дискуссии 1950-х годов, в которой в качестве альтернативы тупиковой доктрине *массированного возмездия* был предложен *гибкий ответ*, то есть комбинированное и градуированное применение обычных сил и тактического ядерного оружия. Смысл состоял в том, чтобы сохранить связь между войной и политикой, сформулированную Карлом фон Клаузевицем, и преодолеть парадокс оружия, настолько мощного, что его невозможно использовать. «*Так политика превращает неукротимое явление, каким является война, в послушный инструмент*», – писал он в 1957 году в статье «Ядерное оружие и внешняя политика». «*Ужасный боевой меч, который нужно поднимать двумя руками и всей силой тела, чтобы нанести удар, единственный смертельный удар, политика превращает в лёгкое фехтовальное оружие, удобное и полезное как для атаки, так и для защиты, и для финтов*».

Показательно, что в итоге сам Киссинджер в книге «Мировой порядок» (2014) пишет, что «*теоретические усилия не увенчались успехом*», и в конечном итоге обе стратегические школы в США и СССР «*молчаливо сошлись на концепции взаимного гарантированного уничтожения*»: «*Исходя из того, что обе стороны обладали ядерным арсеналом, способным пережить нападение, целью стало стремление уравновесить угрозу, чтобы никто не отважился перейти от слов к делу*».

Вторым следствием стала гонка ядерных вооружений, количественное и качественное развитие которой – 65.000 боеголовок в середине 80-х годов, оснащение МБР разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН), формирование *триады* сдерживания на суше, в воздухе и на море – выходит за рамки даже самой логики MAD, *взаимного гарантированного уничтожения*, поскольку такой потенциал способен несколько раз уничтожить не только противника, но и всё человечество. Такая диспропорция между средствами и целями частично объясняется влиянием, как в США, так и в СССР, соответствующих военных групп военно-промышленного комплекса, с чрезмерной гонкой вооружений систем *триады*.

Кроме того, когда серия поправок к MAD распространилась на противоракетную оборону со стратегической оборонной инициативой (СОИ) Рональда Рейгана – *космическим щитом*,

ставившим под сомнение стратегическую стабильность взаимной уязвимости, – именно бремя перевооружения оказалось фатальным для СССР Михаила Горбачёва. Несоразмерность ядерных сдерживающих факторов, возможно, и была *непреднамеренным результатом* противостояния, но в конечном итоге Москва не смогла выдержать конкуренцию, когда падение цен на нефть сократило поток доходов, которые финансировали как гипертрофию *военно-промышленного комплекса*, так и задержки и низкую производительность её государственного капитализма.

В конечном итоге за фасадом соперничества “на равных” между двумя глобальными ядерными сверхдержавами преобладала объективная логика империалистических соотношений сил. В конце концов, даже катастрофический исход холодной войны в виде имплозии 1989–1991 годов подтвердил характер *действительного раздела* между США и СССР. Вашингтон и Москва никогда не были по-настоящему равны и никогда не намеревались вести войну, тем более ядерную. Драматургия их смертельного противостояния, построенная на взаимной угрозе ядерного уничтожения, служила маской их реальной конвергенции в деле удержания европейского империализма в разделённом виде. Наш марксистский анализ на протяжении десятилетий следил за стратегическим противостоянием в области ядерного вооружения, но если бы он ограничивался только этим аспектом – его военно-техническим измерением, его доктринами, его риторикой для общественного мнения – без учёта всех сфер империалистического противостояния, он бы неправильно истолковал реальные соотношения сил между державами и их динамику, которая была многополярной задолго до того, как биполярность стала доминирующей картиной мира.

С другой стороны, неверно и то, что эти огромные средства сдерживания якобы не использовались и не используются. Они используются на стратегическом уровне – как угроза или как защита от угрозы со стороны других; и на политическом уровне – как подтверждение суверенного статуса тех, кто может угрожать, не оказываясь при этом под угрозой: это и есть *ядерный скипетр*, который отличает державы, *обладающие* ядерным оружием, от тех, которые им не обладают. Но это только одно из измерений противостояния, исход которого определяется силой в широком смысле – экономической, политической, военной – а не только ядерной.

Всё в той же книге “Мировой порядок” Киссинджер отмечает, что гигантскому разрастанию ядерных средств сдерживания соответствовал и концептуальный дрейф: *«Подобные расчёты видятся ныне сюрреалистическими, тактика сдерживания строилась на “логических” сценариях, предполагавших такой уровень потерь, понесённых в считанные дни или часы, который превосходит совокупные потери за четыре года мировой войны. Поскольку ни у кого не было опыта использования этого оружия на практике, сдерживание зависело в значительной степени от умения воздействовать на противника психологически».*

(продолжение на стр. 2)

Ноябрь 2025 г.